

Сказка Туве Янссон " Опасное лето " Глава четвертая

О тщеславии и о том, как опасно ночевать на дереве

Прошло несколько дней.

Семья начала привыкать к своему новому удивительному дому. Каждый вечер, как только заходило солнце, зажигались красивые лампочки. Муми-папа обнаружил, что красные бархатные портьеры можно задерживать в случае дождя и что под полом имеется небольшой чуланчик с покатой крышей. Он находился возле самой воды, так что их еда хранилась в холодке. Но самое большое открытие заключалось в том, что под потолком висело множество картин, еще более красивых, чем та, первая, с березками. Их можно было поднимать и опускать сколько душе угодно. Больше всего семье муми-троллей нравилась картина, изображавшая веранду из светлых бревен, потому что она напоминала им Муми-дол. Собственно говоря, они были бы совсем счастливы, если бы не пугались всякий раз, когда странный смех обрывал их беседу. Иногда это было лишь фыркание. Кто-то шипел на них, но никогда не показывался на глаза. Муми-мама обычно ставила миску с едой в темный угол, где стояла бумажная пальма, и кто-то съедал все до последней крошки.

– Во всяком случае, это кто-то очень стеснительный, – объясняла мама.

– Это кто-то чего-то выжидающий, – возразила Мюмла.

Однажды утром Миса, Мюмла и фрекен Снорк расчесывали волосы.

– Мисе надо изменить прическу, – сказала Мюмла. – Ей не идет прямой пробор.

– И челка ей ни к чему, – добавила фрекен Снорк и стала начесывать шелковистые волосы. Она слегка оправила кончик хвоста и повернула голову, чтобы посмотреть, не сваялся ли пушок на спине.

– Наверное, приятно иметь такую гладкую шерстку? – спросила ее Мюмла.

– Очень, – ответила довольная фрекен Снорк. – Миса, а у тебя шерстка такая же гладкая?

Миса не ответила.

– У Мисы, наверное, такая же гладкая шерстка, – сказала Мюмла, закручивая волосы в узел.

– А может, ей пойдут мелкие кудряшки? – предположила фрекен Снорк.

Вдруг Миса топнула ногой.

– Старые трещотки! Надоели со своими челками и кудряшками! – закричала она со слезами на глазах. – Воображаете, будто все на свете знаете! А еще эта фрекен Снорк, у которой платья и то нет! Я бы никогда, никогда в жизни не стала ходить без платья. Я бы лучше умерла, чем стала ходить без платья! – И, разрыдавшись, бросилась бегом через гостиную в коридор.

Всхлипывая, она ощупью пробиравлась в темноте, пока не застыла на месте от страха: она вспомнила о том, кто так странно смеялся в доме. Маленькая Миса перестала плакать и испуганно попятилась. Она шарил и шарил в поисках двери в зал. Но чем дальше она искала, тем ей становилось страшнее. Наконец она отыскала дверь и распахнула ее.

Но вбежала Миса вовсе не в зал, а в другую, незнакомую комнату. То было слабо освещенное помещение со множеством выставленных в ряд отрубленных голов на ужасно длинных, худых шеях. Все эти головы, поросшие необыкновенно густыми волосами, были повернуты к стене.

"Подумать только, если бы они глазели на меня..." – ужаснулась Миса.

Она была так напугана, что боялась шевельнуться и лишь завороченно смотрела на золотистые кудри, черные локоны и рыжие завитушки...

Между тем фрекен Снорк мучилась раскаянием в гостиной.

– Да не думай ты о ней, – посоветовала ей Мюмла. – Миса слишком обидчива.

– Но она ведь права, – пробормотала фрекен Снорк, взглянув на свой живот. – Я должна носить платье.

– Этого еще не хватало, – сказала Мюмла. – Вот насмешила!

– А сама-то ты в платье! – возразила фрекен Снорк.

– Так это же я, – весело сказала Мюмла. – Послушай-ка, Хомса, как по-твоему, нужно фрекен Снорк платье?

– Конечно, если ей холодно, – ответил Хомса.

– Нет, нет, вообще, – сказала фрекен Снорк.

– Или если пойдет дождь, – посоветовал Хомса, – но тогда разумнее обзавестись плащом.

Фрекен Снорк покачала головой. Постояв минутку в раздумье, она сказала:

– Пойду помирюсь с Мисой.

Она взяла карманный фонарик и вышла в коридор. Там никого не было.

– Миса! – тихонько позвала фрекен Снорк. – Знаешь, мне нравится твой прямой пробор...

Но Миса не отвечала. Фрекен Снорк увидела узкую полоску света, пробивавшуюся сквозь полуоткрытую дверь, и на цыпочках вошла туда. Там сидела Миса, и волосы у нее на голове были совсем другие.

Длинные золотистые локоны обрамляли ее озабоченное лицо. Маленькая Миса посмотрела в зеркало и вздохнула, затем взяла другие, не менее прекрасные волосы и натянула их на самые глаза, закрыв челкой лоб. Но и эти рыжие пышные волосы не украсили ее. Наконец дрожащими лапками она взялась за локоны, которые приберегла напоследок, так как они нравились ей больше всех остальных. Иссиня-черные, как вороново крыло, они были украшены золотыми блестками, сверкавшими, словно слезинки. Затаив дыхание Миса примерила новый парик. С минуту она внимательно рассматривала себя в зеркале. Затем так же медленно сняла волосы и устала в пол.

Фрекен Снорк бесшумно выскользнула назад в коридор. Она поняла, что Мисе лучше побыть одной.

Но обратно в зал фрекен Снорк не пошла. Она пошла дальше по коридору, потому что почувствовала манящий и сладковатый запах, запах пудры. Кружок света от карманного фонарика бегал вверх-вниз по стенам и остановился наконец на магическом слове "Гардеробная".

– Платья! – прошептала фрекен Снорк. – Там платья!

Она нажала ручку двери и вошла.

– О! Какое чудо! – пролепетала она. – О, как прекрасно!

Платья, платья, куда ни кинешь взгляд, всюду платья. Они висели бесконечными рядами, сотнями, одно за другим: тяжелая сверкающая парча, легкие облачка тюля и лебяжьего пуха, набивной шелк разных цветов и черный, как ночь, бархат. Повсюду мерцали разноцветные блестки, перемигиваясь короткими вспышками, словно огни маяка.

Ошеломленная фрекен Снорк подошла ближе. Она ласкала платья, заключала их в объятия, зарывалась в них мордочкой, прижимала к груди. Платья шуршали, они пахли пылью и духами, окутывали ее мягкими складками. Внезапно фрекен Снорк выпустила платья из лапок и немного постояла на голове.

– Это чтобы успокоиться, – прошептала она про себя. – Мне надо успокоиться, иначе я умру от счастья. Платьев так много...

Перед обедом Миса грустила в углу зала.

– Привет! – сказала фрекен Снорк и уселась рядом. Миса искоса посмотрела на нее, но ничего не ответила.

– Я ходила по дому и искала себе платье, – рассказывала фрекен Снорк. – Нашла несколько сотен платьев и ужасно обрадовалась.

Миса издала звук, который мог означать что угодно.

– Может, и тысячу, – продолжала фрекен Снорк. – Я все смотрела и примеряла, и мне становилось все грустнее и грустнее.

– Неужели! – воскликнула Миса.

– Ну разве все это не удивительно! – сказала фрекен Снорк. – Понимаешь, их было слишком много. Мне никогда не успеть перемерить их и не решить, какое из них самое красивое. Я чуть не испугалась. Если бы там висело всего два платья, я бы выбрала самое лучшее.

– Это было бы куда легче, – согласилась обрадованная Миса.

– Поэтому я взяла и сбежала из гардеробной, – закончила фрекен Снорк.

Потом они помолчали, наблюдая, как Муми-мама накрывает на стол к обеду.

– Подумать только, – сказала фрекен Снорк, – подумать только! Какая тут раньше жила семья! Тысяча платьев! Пол, который вращается, картины под потолком, гардероб, битком набитый вещами. Мебель из бумаги и искусственный дождь. Как, по-твоему, выглядели прежние

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

хозяева?

Миса вспомнила чудесные локоны и вздохнула.

А за спиной Мисы и фрекен Снорк, среди пыльного хлама, за бумажной пальмой поблескивали внимательные и блестящие маленькие глазки. Глазки презрительно разглядывали Мису и фрекен Снорк, а потом, скользнув по гостинному гарнитуру, остановились на маме, которая раскладывала по тарелкам кашу. Глазки еще больше потемнели, а мордочка насмешливо сморщилась.

– Обед подан! – закричала Муми-мама.

Взяв тарелку с кашей, она поставила ее на пол под пальму. Все бросились к столу и уселись вокруг.

– Мама! – сказал Муми-тролль и потянулся за сахаром. – Мама, ты не находишь...

Тут он осекся и выпустил из лап сахарницу, которая со звоном упала на пол.

– Глядите! – прошептал он. – Глядите!

Все обернулись и посмотрели.

Какая-то тень отделилась от стены в темном углу. Что-то серое и сморщенное прошаркало по полу гостиной, заморгало от солнечного света и затрясло седыми усами, враждебно оглядывая семью муми-троллей.

– Я Эмма, – высокопарно представилась старая театральная крыса. – Я хочу только сказать, что терпеть не могу кашу. Уже третий день вы едите кашу.

– Завтра утром будет молочный суп, – робко пообещала мама.

– Я ненавижу молочный суп, – ответила Эмма.

– Может быть, вы, Эмма, посидите с нами? – предложил папа. – Мы думали, что дом всеми покинут, и поэтому...

– Дом, – прервала его Эмма и фыркнула. – Дом! Это вовсе не дом.

Она подобралась поближе к обеденному столу, но не села.

– Может, она сердится на меня? – прошептала Миса.

– А что ты сделала? – спросила Мюмла.

– Ничего, – пробормотала Миса, опустив глаза в тарелку. – Просто так мне кажется. Мне всегда кажется, что кто-то на меня сердится.

Будь я самой прекрасной мисой на свете, тогда все было бы иначе...

– Ну раз ты не самая прекрасная миса на свете, не о чем и говорить, – сказала Мюмла, продолжая есть кашу.

– Эмма, а ваша семья спаслась? – сочувственно спросила Муми-мама.

Эмма не ответила, она смотрела на сыр... Потом схватила ломтик сыра и сунула его в карман. Ее взгляд блуждал по столу и остановился на блинчике.

– Это наш блинчик! – закричала малышка Мю. Она прыгнула на стол и уселась на блинчик.

– Это некрасиво, – упрекнула ее Мюмла и, столкнув сестру с блинчика, почистила его и спрятала под скатерть.

– Дорогой Хомса, – торопливо сказала Муми-мама. – Сбегай и посмотри, не найдется ли в кладовке чего-нибудь вкусенького для Эммы.

Хомса умчался в кладовку.

– Кладовка! – возмутилась Эмма. – Кладовка! Вы называете суфлерскую будку кладовкой! Вы называете сцену гостиной, кулисы – картинами, занавес – занавеской, а реквизит – дядей! – Она раскраснелась, и мордочка ее сморщилась. – Я рада! – кричала она. – Я очень рада, что маэстро Филифьонк – вечная ему память! – вас не видит! Вы ничего не знаете о театре, даже меньше чем ничего, у вас нет ни малейшего представления о театре!

– Там осталась лишь старая-престарая салака, – сказал Хомса. – Если это, конечно, не селедка.

Эмма так и выхватила у него рыбку из лапы и с высоко поднятой головой прошаркала в свой угол. Она долго гремела там и, вытащив наконец большую метлу, принялась усердно мести.

– Что такое театр? – обеспокоенно прошептала Муми-мама.

– Не знаю, – ответил папа. – Похоже, что нам следует этим поинтересоваться.

Вечером острый запах цветущей рябины заполнил зал. Птички порхали под самым потолком, охотясь за пауками, а малышка Мю повстречала на ковре в зале большого страшного муравья. Только теперь все заметили, что театр плыл уже в лесу.

Все пришли в сильное волнение. Забыв свой страх перед Эммой, они сгрудились у самой воды, разговаривая и размахивая лапами.

Они привязали дом к большой рябине. Муми-папа прикрепил канат к своей палке, а палку воткнул прямо в крышу чулана.

– Не смейте разрушать суфлерскую будку! – закричала Эмма. – Это, по-вашему, театр или пароходная пристань?

– Вероятно, это и в самом деле театр, раз вы, Эмма, так утверждаете, – смиренно сказал папа. – Но никто из нас не знает, что это такое.

Эмма молча уставилась на него. Покачав головой, она пожала плечами, презрительно фыркнула и снова принялась мести пол.

Муми-тролль стоял, разглядывая высоченное дерево. Рои пчел и ос кружились вокруг белых цветов, а ствол красиво изогнулся, образовав вместе с веткой колыбельку, вполне пригодную для какого-нибудь малютки.

– Я буду спать ночью на этом дереве, – внезапно объявил Муми-тролль.

– Я – тоже, – тотчас сказала фрекен Снорк.

– И я! – закричала малышка Мю.

– Мы будем спать дома, – решительно сказала Мюмла. – На дереве могут водиться муравьи, и если они тебя покусает, ты распухнешь и станешь толще и круглее любого апельсина.

– Но я хочу стать больше, хочу-стать-больше, хочу-стать-больше! – кричала малышка Мю.

– А теперь будь умницей! – наставляла ее сестра. – Иначе придет Морра и заберет тебя.

Муми-тролль по-прежнему стоял, разглядывая зеленую крону дерева. Здесь все напоминало Муми-дол. Муми-тролль потихоньку насвистывал, думая о веревочной лестнице.

Тотчас прибежала Эмма.

– Перестань свистеть! – закричала она.

– Почему? – спросил Муми-тролль.

– Свистеть в театре – плохая примета, – тихо прошептала Эмма. – Даже этого вы не знаете.

Что-то бормоча и постукивая метлой, она заковыляла в темноту. Они в растерянности смотрели ей вслед, и на какое-то мгновение семейству муми-троллей стало не по себе. А потом они обо всем забыли.

Вечером мама постелила Муми-троллю и фрекен Снорк на дереве. Потом приготовила для них корзинку с завтраком.

Миса тоже взглянула на дерево.

– Хоть бы разок поспать на дереве, – сказал? она.

– За чем же дело стало? – спросила Муми-мама.

– Меня никто туда не приглашал, – уныло ответила Миса.

– Возьми перину, милочка, и полезай, – посоветовала мама.

– Нет, теперь мне больше не хочется, – сказала Миса и удалилась. Она уселась в углу и заплакала.

"Почему все так получается? – думала она. – Почему все так печально и сложно в моей жизни?"

А Муми-мама так и не смогла уснуть всю ночь.

Она лежала, прислушиваясь к всплескам воды под полом, и испытывала смутное беспокойство. Она слышала, как Эмма шаркала взад-вперед по сцене, что-то бормоча себе под нос. В лесу выл какой-то незнакомый зверь.

– Муми-папа! – прошептала она.

– М-м-м... – просопел изпод перины папа.

– Я что-то волнуюсь.

– Все будет хорошо, вот увидишь, – пробормотал папа и снова заснул.

Мама лежала, вглядываясь в лес. Но постепенно и она заснула, и в зале воцарилась ночь.

Наверное, прошел целый час.

Серая тень скользнула по полу и замерла возле кладовки. Это была Эмма. Собрав все свои старческие силы, удесятеренные гневом, она вытащила палку из дырки в крыше чулана и бросила ее далеко в воду.

– Я им покажу, как разрушать суфлерскую будку! – бормотала Эмма себе под нос.

Мимоходом она схватила со стола банку с сахаром и высыпав содержимое в карман, отправилась спать в свой угол.

Освобожденный от швартов, дом тотчас поплыл по течению. Переливающаяся гирлянда из синих и красных лампочек еще некоторое время мелькала среди деревьев. Но и она вскоре исчезла, и лишь луна молочным светом заливала лес.